

Здесь наблюдается закономерное повторение группы «дополнение + сказуемое», что и определяет ритмический строй текста.

Если рассмотреть приведенные фрагменты, развивающие тему Христа, в единстве (в тексте «Слова» они составляют единый текст), то окажется, что перед нами пример ритмической неоднородности. Сначала ритм появляется как сигнал значительности темы, к которой приступает автор; затем следует текст, где ритмическая композиция не выявлена, но тема продолжает развиваться; и наконец, только тогда, когда раскрывается один из основных моментов в развитии темы Христа, а именно прославляются его деяния, создаются похвала ему и слава, вновь появляется ритмическая форма.

Таким образом, одна из стилистических функций ритма заключается в том, что ритмически организованная речь выполняет роль эмоционального и логического акцентов в развертывании темы.

Идея постепенного распространения христианства также получает ритмическое оформление:

Господи, господь нашъ, яко чудно имя твое по всеи земли. | И уже не идолослужителе зовемся, но христианини; не еше безнадежници, нъ уповающе в жизнь вѣчную. | И уже не капище сътоино съграждаемъ, нъ Христовы церкви зиждемъ; | уже не закалаемъ бѣсом друг друга, нъ Христос за ны закалаемъ бываеъ и дробим въ жертву богу и отцю. | И уже не жерътвенна крове въкушающе погыбаемъ, нъ Христовы пречистыа крове въкушающе съпасаемся. ||

Единая логика смежных конструкций и единая заданная синтаксическая модель («и уже . . . , но . . .») даже при отсутствии более выявленного сходства в составе предложений все-таки создают ритмическое движение текста. Аналогичное рассуждение может быть отнесено и к следующему тексту, с той разницей, что синтаксическая модель конструкций несколько иная («не . . . , но . . .»):

Не съвѣта творим, яко распяти, нъ яко распятому поклонитися. | Не распинаем Спаса, нъ руки к нему въздѣваемъ; | не прободаемъ ребрь, нъ от них пиемъ источникъ нетлѣнна; | не тридесяти сребра възимаемъ на немъ, нъ друг друга, и весь живот нашъ тому прѣдаемъ; | не таим възкресения, но въ всѣх домах своих зовемъ: Христос възкресе из мертвых! | Не глаголемъ, яко украден бысть, но яко възнесеса, идеже и бѣ; | не невѣруемъ, нъ яко Петръ, к нему глаголемъ: ты еси Христос, сынъ бога живааго. ||

Следующая часть «Слова о законе и благодати» посвящена теме крещения Руси и содержит панегирик князю Владимиру за исполненную им миссию крестителя Руси. Для этой части характерны амплифицированное изложение, распространенность отдельных понятий, которая выражается в привлечении слов, семантически близких к теме; образуются ряды парных, тройственных, часто синонимических сочетаний, обладающие функцией ритмизации. Возникает ритм однородных членов, ритм перечисления.³⁴ Кстати, отметим, что это явление близко стилю «извития словес» в панегирических житиях XV в.

³⁴ По наблюдениям А. М. Пешковского, «слитные предложения», т. е. предложения, которые имеют в своем составе однородные члены, имеют определенные ритмические и мелодические особенности в любом случае — связаны ли они посредством союзов или нет. Объясняется это тем, что на долю предложений с такой структурой приходится «столько главных ударений, сколько в них однородных членов» (А. М. Пешковск ий. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 444).